

ОБАЯНИЕ ДОСТОЕВСКОГО

(РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ ГЛАЗАМИ НЕМЕЦКИХ ТЕОЛОГОВ)*

Недавно в Геттингене увидела свет монография сотрудницы Института практической теологии Кильского университета Майке Шульц, славистки и теолога, посвященная истории восприятия в Германии (а также в Австрии и в немецкоязычной части Швейцарии) творчества Ф. М. Достоевского как религиозного мыслителя. Автор систематически исследовал и сопоставил между собой суждения о Достоевском, опубликованные с конца XIX века до первого десятилетия века XXI в католической и протестантской печати и в работах, написанных не богословами по профессии, но людьми, так или иначе интересующимися религиозными аспектами наследия великого русского писателя. Полный перевод заглавия книги — «Под обаянием поэта. Теологическая рецепция Достоевского и ее литературная составляющая». Работа опубликована в серии «Исследования по систематической и экуменической теологии» известного немецкого издательства «Ванденхёк и Рупрехт». Слово «поэт» в заглавии книги отражает особенность немецкой лексики, понимающей под «поэзией» художественную литературу как таковую, поэтому нами заглавие прочитывается иначе — «Под обаянием Достоевского как писателя». И еще о заглавии: в нем заключен основной «нерв» всей работы, поскольку богословский и литературный аспекты восприятия Достоевского в Германии (и, по-видимому, вообще в мировой культуре) находятся в сложном, противоречивом взаимоотношении. Они взаимодействуют, но совершают это в борьбе, когда теология то уступает поле боя литературоведческому подходу, то в свою очередь оттесняет и вытесняет его. Попытки согласовать и гармонизировать эти два борющихся между собой подхода пока еще не приносили заметного успеха.

Собственно, история рецепции Достоевского в странах немецкого языка — это история борьбы между литературоведением и религиозной философией за понимание и освоение замыслов и идей писателя, за объяснение созданных им характеров. Об этом свидетельствует огромный фактический материал, собранный в книге М. Шульц и охватывающий более чем столетие — с 1880-х по 2007 год.

* *Schult Maike*. Im Banne des Poeten: Die theologische Dostoevskij-Rezeption und ihr Literaturverständnis. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2012. 502 S. (Forschungen zur systematischen und ökumenischen Theologie / Hrsg. von Chr. Axt-Piscalar und G. Wenz. Bd 126).

Первоначальная «вина» в теологическом подходе к Достоевскому лежит, по мнению исследовательницы, на Д. Мережковском и В. Соловьеве, которые увидели в писателе духовного пророка. Их идеи, как известно, заметно повлияли на западноевропейское отношение как к Достоевскому, так и к Толстому. Если лифляндский публицист Эрвин Бауэр (1857—1901) в книге «Россия на распутье» («Russland am Scheidewege», 1888) отнесся к этой точке зрения критически, то преподававший в Швейцарии прибалтийский литературовед Роберт Зайчик (1868—1965), в работе «Мировоззрение Достоевского и Толстого» («Die Weltanschauung Dostojewskis und Tolstois», 1893) уже строил миф о Достоевском как о религиозном мыслителе. Влияние неоромантизма усилило эти тенденции, подхваченные не столько профессиональными теологами, сколько публицистами, критиками, культурфилософами, которые, не владея русским языком, вообще предпочитали не вдаваться в подробности художественных текстов, а трактовали идеи, часто полученные из вторых рук и из неточных переводов. Но и знатоки русского подпадали иногда под влияние религиозных интерпретаций. Так, австрийская писательница и переводчица Нина Хофман (1844—1914) предупреждала читателей в 1899 году: «Никоим образом нельзя воспринимать Достоевского с литературной точки зрения...» (цит. на с. 373).

Не остались в стороне от борьбы за Достоевского ученые теологи. Католик Йозеф Мюллер (1855—1942) был склонен усматривать в Достоевском вообще не писателя, а своего рода христианского «святого» (см. с. 373). Заметным явлением стала в 1921 году работа швейцарского реформатского пастора Эдуарда Турнэйзена (1888—1974) о Достоевском, побудившая теологические факультеты протестантских университетов обратить внимание на писателя.

Времена национал-социализма способствовали тому, что этическая сторона романов Достоевского сама по себе выдвинулась на передний план, давая возможность нравственного сопротивления нацизму. Как пишет исследовательница, «потрясения этих лет превратили литературу в способ этического самоопределения, внутреннего очищения и переосмысления жизни» (с. 378). Этот факт не стоит скидывать со счетов при анализе рецепции наследия писателя в Германии. В этом случае философско-религиозный подход к Достоевскому, на наш взгляд, сыграл большую положительную роль в немецкой духовной жизни. Тем не менее известный

славист, работавший в Западной Германии, Всеволод Сечкарев незаслуженно резко писал в 1954 году о недостатках в восприятии Достоевского в этой стране: «„Философствование“ или что еще хуже — „богословствование“ по поводу произведений, которые несомненно относятся к компетенции эстетики, есть только демонстрация личных способностей того или иного интерпретатора, но она ничего не дает ни литературоведению, ни философии, ни теологии» (цит. на с. 370). Много позже, в 1992 году, в «Ежегоднике Немецкого общества Достоевского», имея в виду роман «Братья Карамазовы», В. Шмид отметил, что «однозначно христианская интерпретация (...) обедняет гениальное произведение, превращая его в подобие ангажированного идеологического романа» (цит. там же). Разумеется, крайности суждений никогда не способствуют лучшему пониманию предмета, но как отделить Достоевского от христианства?

Выход за рамки узко-богословской интерпретации Достоевского попытался найти в свое время теолог из Галле Конрад Онаш, крупный историк русского православия. Исходя из идеи М. М. Бахтина о полифонии текстов Достоевского, он утверждал, что в них отсутствует также и религиозная монологичность, в них нет и православной однозначности. Консерватизм и либерализм, церковность и ереси присутствуют там одновременно и параллельно. Конрад Онаш выдвинул тезис о «поэтизации христианства» у Достоевского (с. 389), считая, что христианские идеи были очень важны для писателя, но не как мировоззрение и философия, а прежде всего как материал искусства.¹ Не беремся судить о том, насколько прав был этот ученый, но отметим вместе с автором обсуждаемой монографии попытку К. Онаша примирить враждебные точки зрения и показать особенности отношения Достоевского к христианству.

Позиция Онаша вызвала довольно единодушный отпор со стороны немецких теологов. Его упрекали в недооценке религиозности Достоевского и в том, что на него оказало влияние советское «марксистское» достоевсковедение, в котором он, владея русским языком, действительно хорошо разобрался. Точка зрения этого ученого не возобладала

¹ К. Онаш является автором одной из лучших немецких биографий Ф. Достоевского: *Onasch K. Dostojewski-Biographie. Materialsammlung zur Beschäftigung mit religiösen und theologischen Fragen in der Dichtung Dostojewskis. Zürich, 1960.*

среди интерпретаторов Достоевского на Западе, которые продолжают смотреть на его романы в первую очередь как на источник религиозных идей.

Автор монографии выражает надежду на то, что в будущем найдется путь для более объективного и непредвзятого подхода к наследию Достоевского со стороны протестантского и католического богословия. Пока же применительно к судьбе Достоевского «поиск экзистенциального подхода к литературным текстам при невнимании к их литературному качеству является основной чертой теологических интерпретаций произведений художественной литературы» (с. 371). Как заключает М. Шульц, перефразируя заглавие знаменитой книги Э. М. Ремарка, в этом отношении «на Западе — без перемен».

Интерес Достоевского к религиозной и философской мысли, сам характер его таланта и склонность к этическим экспериментам в художественном произведении неизбежно создают предпосылки для осмысления его творчества и философами, и богословами, и социологами. Эти подходы не могут не отличаться в принципе от эстетической и историко-литературной оценки наследия писателя. Последняя, скорее, принадлежит его творческой биографии, истории создания произведений и т. п. Она, так сказать, *прижизненна*, она видит Достоевского в контексте его эпохи. Интерпретации же зависят от *посмертной* судьбы его произведений, от того момента времени, в который они пишутся, они прочнее связаны с этим моментом, писателю уже неизвестным, чем с конкретикой его текстов. Это уже скорее жанр критики, чем жанр исследования. Поэтому теологическая интерпретация произведений Достоевского заслуживает не столько упреков, возможно, даже и справедливых, — которые проявляются кое-где на страницах обсуждаемой работы, — сколько тщательного изучения, на которое направлены основные усилия ее автора.

Книга Шульц, снабженная словарем терминов и светских критиков, занимавшихся Достоевским, и указателем имен (впрочем, не совсем полным) может служить полезным пособием для исследователя судеб писателя на Западе. Следует принять во внимание, что сама по себе столетняя история деятельного, даже бурного и полемического восприятия произведений и личности Ф. М. Достоевского в богословских кругах Германии, Австрии и Швейцарии с полной объективностью свидетельствует о его огромном влиянии на духовную мысль этих стран и на мировую культуру в целом.